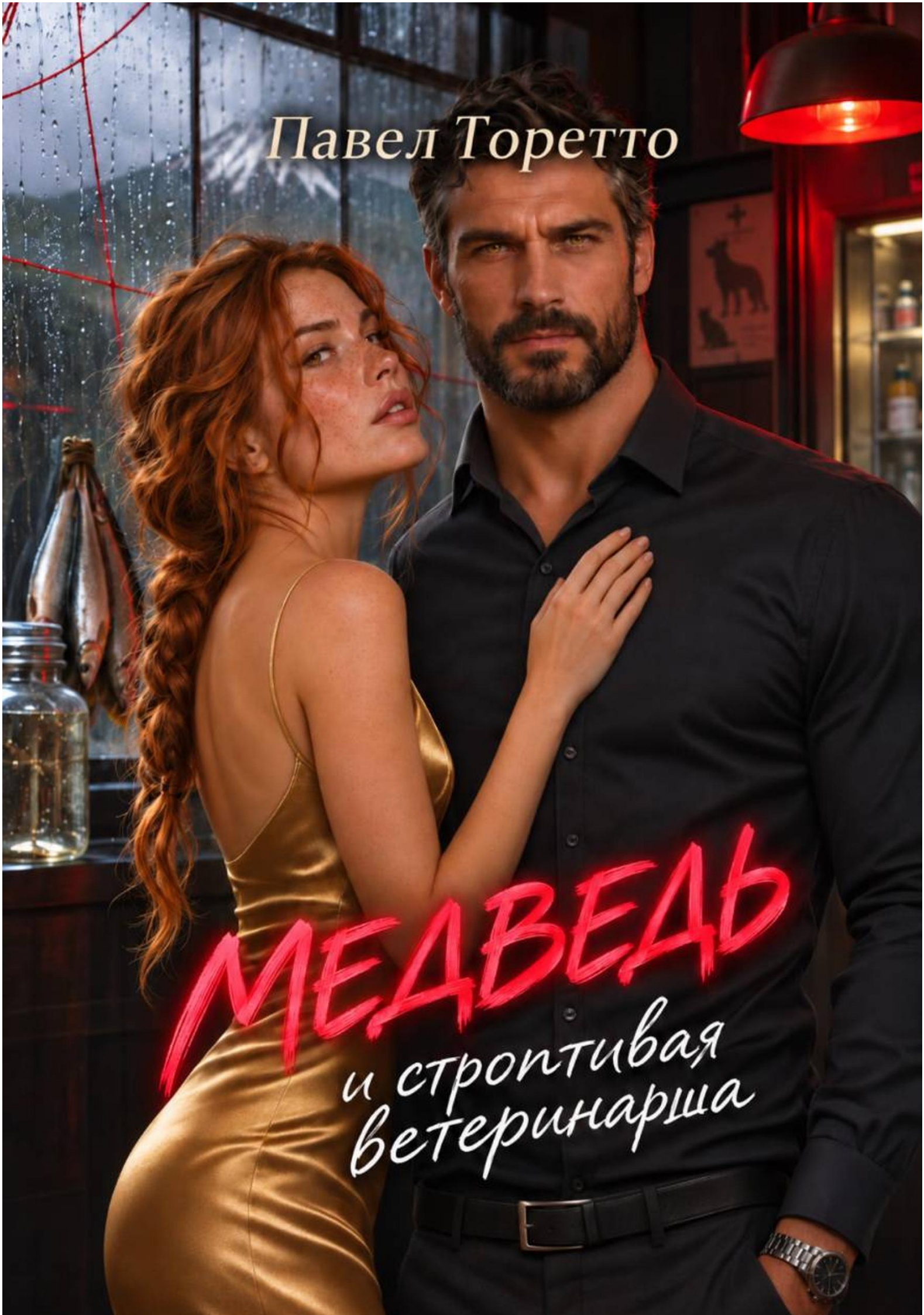

Павел Торетто
МЕДВЕДЬ
и строптивая ветеринарша

Павел Торетто

Медведь и строптивая ветеринарша

«Автор»
2026

Торетто П.

Медведь и строптивая ветеринарша / П. Торетто — «Автор», 2026

«Девушка, вы на моей земле. И медвежонка, которого вы везёте, я заберу».Этот мужчина перегородил мне дорогу на Камчатке. Я ветеринар из Петербурга, в мае сбежала от помолвки с человеком, который решал за меня всё. Теперь я выхаживаю медвежат-сирот в центре «Кетовый» и не отдам найдёныша первому встречному хозяину долины.Святогор Буров упрям и привык, что ему не перечат. Я перечу ему каждый день. Он считает меня глупой городской девочкой, я считаю его браконьером.Медвежонок Пряник выздоравливает так, как не должен. Лапа зажила за пять дней, а обычная доза антибиотика едва не убила малыша. Святогор, похоже, знает почему, но молчит.Потом в долине находят убитых медведиц, а покупатель желчи связан с моим бывшим женихом.Смогу ли я довериться мужчине, который привык решать за всех? И что будет, если правда окажется не человеческой? При подготовке книги использовалась нейросеть.

© Торетто П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Вы на моей земле 5
Глава 2. Правила посещения 9
Глава 3. Купель для двоих 13
Глава 4. Стреляли сверху 17
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Павел Торетто
Медведь и строптивая ветеринарша

Глава 1. Вы на моей земле

– Девушка, вы на моей земле. И медвежонка, которого вы везёте, я заберу.

Он стоял посреди грунтовки у самого брода, и серый пикап с лебёдкой был поставлен поперёк колеи так, что объехать его можно было только по воде. Я, ветеринар Береслава Ласкина, третий день жила на Камчатке, и в этот пятничный полдень вела служебную «буханку» от верхнего кордона к центру, а за спиной у меня в переноске скулил найдёныш. Его утром нашли туристы-рыбаки возле мёртвой медведицы и позвонили в центр, а Маланья Фёдоровна сунула мне ключи и сказала, что поеду я, потому что больше некому. Теперь передо мной стоял великан в расстёгнутой куртке, с тёмной бородой, мокрой от речных брызг, и смотрел на мою машину так, будто она ему задолжала.

– Мм, – сказала я и опустила стекло. – А вы, простите, кто? Здешний медведь?

Он не улыбнулся. Подошёл к дверце, положил на неё ладонь размером с суповую тарелку, и «буханка» под этой ладонью заметно присела.

– Я Святогор Ярославич Буров, Береслава Игоревна, и это моя земля, моя база и мой брод. Я прошу вас отдать мне зверя по-хорошему, потому что по-плохому вы будете долго жалеть, а я не люблю, когда из-за меня жалеют.

Меня удивило не то, что он назвал моё имя, в центре про новую докторшу, видимо, знала каждая собака. Меня удивили его глаза, светло-карие, почти жёлтые, и то, как напряжённо он косился на переноску, хотя оттуда доносилось только жалобное сопение. Так смотрят не на добычу, подумала я, но тут же напомнила себе, что браконьеры тоже бывают с хорошими глазами.

– Святогор Ярославич, медвежата в этой области принадлежат государству, а не вашей базе. Документов у вас нет, лицензии нет, вы стоите на дороге и держите мою дверь, а я, между прочим, везу больного ребёнка. – Я повернула ключ, и мотор отозвался. – Уберите руку, иначе я перееду ваши сапоги, и мне за это ничего не будет.

– Вы не переедете, вы слишком хороший врач для этого, – сказал он спокойно, и от этого спокойствия мне захотелось чем-нибудь в него кинуть. – Но зверя вы мне отдадите, потому что вы не знаете, чем его кормить и что с ним будет, а я знаю.

Час назад всё было куда мирнее. Туристы-рыбаки, двое мужчин в одинаковых жилетах, ждали меня у верхнего кордона с картонной коробкой, в которую они накидали своих курток, и всё время по очереди повторяли, что медведица лежала «совсем как живая» и что они не хотели ничего трогать, но малыш сам вылез из кустов. Один из них, лысоватый, всё совал мне термос с чаем, будто с этим термосом я могла бы вылечить сироту, и я взяла, потому что отказываться было неловко. Переноску я перестелила их курткой, проверила дыхание, пульс, дёсны и поехала вниз. Я думала только о том, как довезти малыша до вагончика, а о людях на дороге не думала совсем.

Буров снова взялся за дверцу, на этот раз за ручку, и потянул так, что что-то в петле хрустнуло. Вот тут я и закричала. Не помню точно, что именно, но в этом крике было много слов, которые я обычно говорю только в операционной, и одна фраза, которую я потом повторяла себе весь вечер.

– Святогор Ярославич, если вы ещё раз возьмётесь за мою дверь, я вас сама прооперирую, и наркоз будет за счёт центра, то есть никакого. – Я стукнула ладонью по рулю, и клаксон рявкнул на весь лес. – А теперь отойдите, иначе я начну прямо здесь!

Он отпустил ручку. Я включила первую передачу, вывернула руль влево, прямо на воду, и «буханка» полезла в реку, как упрямый бык. Из-под колёс ударили такие фонтаны, что в зеркале я увидела, как Буров, стоявший по щиколотку у своего пикапа, получает всю речку разом, от куртки до бороды. Он не двинулся с места и не побежал следом, только стоял и смотрел, как я выбираюсь на другой берег, и этот взгляд ощущался у меня между лопатками ещё километра два.

В переноске жалобно пискнули. Я притормозила, просунула пальцы в решётку, и мокрый горячий нос ткнулся мне в ладонь.

– Тише, тише, мой хороший. Никому тебя не отдадим, слышишь? Ни великанам, ни государственным инспекциям, пока я не пойму, что с тобой не так.

Я сама не знала, зачем обещаю ему такое, ведь в таких центрах как раз инспекции и решают, куда деть сироту. Но мне нужно было говорить хоть что-нибудь, потому что руки у меня дрожали, а в голове крутилось одно: «третий день, и уже скандал с местным хозяином, а мама ведь предупреждала».

***

Мама предупреждала не про Камчатку, а вообще. Весь май она повторяла, что я рублю с плеча, что хороший человек не виноват в своей заботе, что Модест просто хочет как лучше. Девятого мая, в субботу, мы с ним собирались на выставку цветов, и я с утра гладила платье. Он пришёл раньше, сел на край моей кровати и сообщил, что уже поговорил с заведующим клиникой, потому что после свадьбы мне полагалось поберечь себя и работать только консультантом, а значит, с первого июня я свободна. «Не благодари, солнце, это пустяки», – сказал он и поцеловал мне руку, как поцеловал бы руку ребёнку, которому подарили шоколадку.

Я так и не поблагодарила. Я поставила утюг на подставку, сняла с пальца кольцо и положила его на подоконник, потому что в руки отдавать было страшно, вдруг дрогнет рука. Он смеялся минут пять, потом перестал. А через неделю я переехала к маме и сама, без его звонков и без чьей-либо помощи, отправила заявку в центр «Кетовый». Год на Камчатке показались мне лучшим способом выяснить, умею ли я решать что-то в одиночку.

Вот и выясняла. Над рулём «буханки» висела моя последняя лента из зоопарка, на левом запястье белел шрам от рысиного когтя, и я знала только одно: передо мной великан, который сказал мне ровно то же самое, что говорили все, кто меня берёг. Просто громче и без одеколона.

***

В центре нас встретила Устина, которая, едва увидев переноску, всплеснула руками и бросилась открывать ветклинику, по дороге выдавая мне информацию с такой скоростью, что я успевала понять процентов сорок. Ветклиника у нас жила в вагончике с белой дверью, внутри пахло хлоркой и сухой травой, и когда я вытащила из переноски найдёныша и положила его на стол, он даже не пискнул. Он просто лежал, тяжело дышал и смотрел на меня огромными тёмными глазами.

– Ох, какой маленький, – прошептала Устина, прижимая к груди планшет. – А почему он такой тихий? Они обычно орут так, что у меня ушам больно.

– Потому что у него обезвоживание, и он устал бояться. – Я надела перчатки и взвесила его: семнадцать килограммов. – Вес для его возраста нормальный, но шерсть тусклая, дёсны сухие. Давай физраствор, быстро, и тёплую пелёнку.

Я работала так, как работаю всегда, когда не хочется думать: быстро, молча, чуть ли не напевая. Лапа была порвана, левая передняя, подушечка раскрылась, как цветок, и в ране виднелись песок и мелкие веточки. Я промыла её, наложила шов и, пока Устина держала малыша, он вдруг изловчился, высунул нос из пелёнки и полез мордой прямо мне в карман халата. Я не успела ахнуть: он вытащил оттуда мятный пряник, который я зачем-то носила с самого утра, и торжественно принялся его грызть.

– Ой, Береслава Игоревна, смотрите, он вас обокрал! – Устина захохотала, и две её косички запрыгали по плечам. – Настоящий разбойник! Как его назовём? Нам надо в журнал что-то записать, иначе бумажка будет называться «медвежонок без клички».

– Тогда пусть он будет Пряник, – сказала я, и мне почему-то стало легче дышать. – Пряник, ты слышишь? Теперь у тебя есть имя, и у меня, между прочим, тоже есть повод тебя не отдавать.

Потом я кормила его из бутылочки с соской, которую Устина нашла в шкафу, и он сначала отворачивался, а потом присосался так, что чуть не вырвал её у меня из рук. Он пил жадно, захлёбываясь, и тёплое молоко стекало по подбородку на мой халат, но мне было всё равно. Устина стояла рядом, держала грелку и тихо рассказывала, что в прошлом году один из медвежат три дня не ел вообще и что она тогда спала в вольере, потому что боялась оставить его одного. Я слушала вполуха и думала о его лапе: рана была чистая, края ровные, но подушечка выглядела так, будто лапу кто-то держал в зубах, и на сколько хватит одного шва, я пока не знала.

Он, конечно, не слышал. Он сосредоточенно жевал, и крошки сыпались ему на грудь, а я стояла и думала о том, что в моей жизни бывали более странные начала.

***

Маланья Фёдоровна ждала на крыльце, с очками на шнурке и сигаретой, которую она держала подальше от меня, как будто я могла настучать. Короткая седина, усталое лицо, а голос всегда немножко виноватый, словно директор центра извиняется за весь мир сразу.

– Ну что, Бера, привезла? – спросила она и сразу выдохнула, когда я кивнула. – Слава богу. А то я Устину предупредила, что у брода тебя может встретить Святогор Ярославич, но телефон у тебя не отвечал.

– Меня встретил, – сказала я. – Он стоял посреди дороги, лапал мою дверцу и требовал отдать медвежонка. Я его облила. Вернее, речка его облила, а я только рулила. Маланья Фёдоровна, кто это вообще такой, и почему он считает, что весь район принадлежит ему?

Маланья засмеялась, закашлялась и затушила сигарету о перила.

– Буров он, Бера. Буровы у нас спонсируют центр с пятнадцатого года, полтора миллиона в год без единой расписки, и если бы не они, у нас бы половина вольеров стояла без крыши. Наш Святогор человек сложный, но справедливый, только не вздумай с ним спорить. С Буровым у нас не спорят.

Она сказала это таким тоном, каким говорят «не трогай печку, горячая». И мне, конечно, сразу захотелось не просто потрогать, а засунуть в печку обе руки.

– Значит, буду первой, – ответила я. – А то и вправду странно: у нас девять медвежат, и все они государственные, а один хозяин долины приезжает и требует себе девятого. Я бы на вашем месте сначала выяснила, зачем ему медведь.

– Бера, деточка, здесь девять медвежат и один Буров, и поверь, медвежата проще, – сказала Маланья и ушла в здание, оставив меня одну со стаканом остывшего чая и ощущением, что я наступила на что-то огромное.

***

До вечера я успела сделать всё, что положено делать с новичком: поставить капельницу, замерить температуру, внести его в журнал под номером девять и перенести в отдельный вольер с тёплым полом. Вольер этот стоял крайним, напротив моего окна, и Устина сказала, что я нарочно выбрала самый удобный, чтобы сидеть над ним, как наседка. Я возмутилась, но потом призналась, что она права, и мы вдвоём устроили малышу гнездо из старых одеял, сена и моей запасной фланелевой рубашки, которая пахла мной и домом. Он принюхался, фыркнул, залез в рубашку с головой и затих, а я долго стояла у решётки и слушала его дыхание.

Вечер был тихим. Я вернулась в свой домик номер два, где умещались кровать, стол и печка, поставила чайник, села у окна, откуда видны вольеры, и впервые за день перестала торо-

питься. За стеклом лежал луг, дальше чёрные ели, а над ними вулкан Остряк, розовый от заходящего солнца. Красиво, как на открытке, и от этой красоты хотелось кого-нибудь стукнуть.

Телефон зазвонил в половине девятого. Номер я не знала.

– Береслава Игоревна? Ряполов, Паисий Захарович, охотнадзор. – Голос у него был глуховатый, усталый, и я почти увидела усы подковой, которые мне описала Устина. – Только что вернулся с места, откуда вам привезли найдёныша. Нашёл тушу. Медведица, взрослая. Желчь вырезана, пузырь изъят одним движением, работали аккуратно, по-профессиональному.

У меня во рту стало сухо, и я поставила чашку прямо на стопку журналов.

– Господи, – сказала я. – Паисий Захарович, а вы уверены, что это не браконьеры-одиночки? Я просто сегодня встретила одного человека, и он вёл себя так, будто ему очень нужен медвежонок. Я не обвиняю, мне просто интересно, что вы про него думаете.

– Кто такой?

– Буров. Святогор Ярославич. Он перегородил дорогу у брода, заявил, что это его земля, и потребовал отдать Пряника, это мы так медвежонка назвали. Мм, а ещё он откуда-то знал, как меня зовут и что я везу, хотя я до того видела его впервые. – Я стиснула телефон так, что побелели пальцы. – Скажите честно, у него есть связи, лодки, машины, всё, что нужно, чтобы вывозить такой товар?

На том конце помолчали. Что-то звякнуло, как будто Ряполов помешивал ложкой в стакане.

– Буровы, Береслава Игоревна, народ такой, что к ним не подберёшься, – сказал он наконец. – Рыбная база, два дома, сестра гостей принимает, ничего за ними нет. Но я проверю и вас попрошу: лишнего не говорите и сами к ним не лезьте. Если что, звоните мне в любое время.

Я положила трубку и долго сидела, не включая света. Всё складывалось слишком хорошо: человек, который знает всё про меня, про брод и про Пряника, держит базу прямо рядом с местом, где убили медведицу, и ещё настаивает, чтобы я отдала зверя. Ни одно другое объяснение мне не приходило, а значит, оно и было правильным.

***

Среди ночи я проснулась оттого, что за окном что-то тяжело ступало.

Я не сразу поняла, что именно меня разбудило: не звук, а сама земля, которая слегка вздрагивала, как палуба, когда по ней проходит кто-то очень большой. Печка давно прогорела, в домике было холодно, и я подползла к окну, не включая света. Снаружи висела лунная муть, вольеры казались чёрными коробками, и вдоль забора, по самой кромке тени, медленно двигалось что-то огромное. Оно остановилось у вольера Пряника, постояло там с минуту, потом тяжело повернулось и ушло в сторону леса.

Я схватила со стола фонарь и ветеринарный скальпель, потому что ничего другого под руку не попалось, и выбежала на крыльцо в одной кофте. Но к тому времени двор был пуст, только в ельнике стукнула ветка, и всё стихло. Пряник в вольере спал, раскинув лапы, и на его мордочке даже появилось что-то вроде улыбки.

Я вернулась, залезла под одеяло вместе со скальпелем и больше не сомкнула глаз до рассвета. Думала о Бурове и о том, что люди, которые способны прийти ночью и тихо постоять у вольера, способны на всё, что угодно.

Утром у калитки вольера, в мокрой глине, я нашла медвежий след длиной с мой сапог, а рядом, аккуратно, будто кто-то извинялся, лежала связка свежей кеты.

Глава 2. Правила посещения

Я сидела на корточках над следом и обмеряла его рулеткой, а Устина стояла у меня за спиной и шёпотом, будто нас могли подслушать ели, выдавала версии одна смешнее другой. След был двадцать восемь сантиметров в длину и двенадцать в ширину, с глубокими вмятинами от когтей, и вдавлен он был так, словно по глине прошёл не зверь, а небольшой трактор. Рядом, на расстеленном полиэтилене, лежала связка кеты, и от неё шёл крепкий сырой запах реки.

– А вдруг это лось в костюме? – шептала Устина, переминаясь с ноги на ногу. – Или Паисий Захарович нарочно, чтобы нас проверить? Или, знаете, бывает, что медведица возвращается за детёнышем с того света. Мне бабушка рассказывала, у них в деревне было.

– Устина, медведицы не возвращаются, а рыбу не оставляют, они её едят. – Я записала в блокнот цифры и ткнула карандашом в ямку от самого длинного когтя. – Тут другое. Кто-то хотел, чтобы мы это увидели: зверь пришёл, постоял и ушёл, а рыбу выложил ровно, на одну линию. Звери так не делают.

– Так это же хозяин долины, Береслава Игоревна! – выдохнула она. – Старики говорят, у нас в долине есть хозяин, огромный, раз в год к людям выходит, а если кто его обидит, то беда. Мой дед говорил, он однажды видел, как хозяин нёс по реке бревно, а на бревне лежал целый лосёнок.

Я посмотрела на неё поверх рулетки и только покачала головой. Версия про хозяина долины мне понравилась меньше всех: слишком уж гладко она сходилась с тем, что я знала про вчерашнего великана у брода, который тоже называл эту долину своей. Хозяин с лебёдкой на пикапе, подумала я. Охотничий образ, а выкладывать рыбу вдоль следа можно и сапогом, было бы желание. Чтобы сироту отдали «по-хорошему», надо сначала припугнуть, потом подкормить, потом прийти с предложением. Я это уже видела: Модест тоже начинал с цветов.

– Хозяин не хозяин, а рыбу эту никто не тронет, – сказала я вслух. – Положи в пакет, отнеси в холодильник и подпиши. Если кто-то подбросил нам улики для отвода глаз, пусть полежат до приезда Ряполова.

***

До десяти мы с Устиной успели обойти все вольеры, и это был самый обычный утренний обход, с вёдрами, с миской каши на молочном порошке, с придирчивым взглядом на каждый нос. В большом лесном вольере, где жили три подростка, пахло мокрой шерстью и сырой хвоей, и один из них, самый наглый, ухватил меня за рукав и потащил к кормушке, как будто я принесла завтрак без спроса. Я отбивалась, смеялась и вытирала руки о халат, а Устина стояла с ведром и рассказывала, что с хозяевами долины шутить нельзя, потому что в позапрошлом году один турист попытался сфотографировать большого медведя на тропе, и его до сих пор находят по частям, ну то есть по частям вещей. Я спросила, почему «по частям вещей», и она с важным видом ответила, что в рюкзаке нашли только одну бахилу.

– Устина, это не страшилка, это уголовное дело о пропаже туриста, – сказала я, наливая воду в поилку. – И если рюкзак нашли, то нашли и туриста, потому что человек, который бросил рюкзак, обычно рядом.

– Ну вот вы теперь знаете, – протянула она и расплылась в улыбке. – Всё-таки хорошо, что вы приехали, Береслава Игоревна. А то мне раньше и поговорить было не с кем, кроме Маланьи Фёдоровны, а она всё про отчёты.

Мне стало тепло от этих слов, и я наконец смогла выдохнуть. Чужая земля понемногу переставала быть чужой, и это пугало почти так же, как великан с лебёдкой.

***

В десять к воротам подъехал серый пикап, и Устина, которая как раз несла ведро с кашей, чуть не уронила его на гравий. Из машины вышел Буров, уже сухой, в чистой рубашке, а следом, с пассажирской стороны, показался второй: рыжебородый, широкий, но какой-то поникший, с опущенными плечами, словно на нём висел мокрый плащ. Святогор Ярославич представил его коротко, одной фразой: «Евлампий, мой родственник, он присмотрит за тем, как мы войдём». Тот кивнул мне и ничего не добавил.

Я встала у калитки, скрестив руки, и спросила, не забыл ли кто-нибудь из них, что посещения в центре не по записи. Буров ответил, что не забыл, и что приехал не к зверю, а к директору, но зайдёт к вольеру, если я не возражаю. Голос у него был ровный, неторопливый, как будто он вёл переговоры о покупке участка, и меня это раздражало сильнее, чем если бы он кричал.

Евлампий не слушал нас. Он прошёл мимо меня к вольеру, остановился в двух шагах от решётки и замер. Пряник спал в гнезде, посапывая, и Евлампий разглядывал его так долго, что я успела сосчитать, сколько раз за это время дёрнулся нос у малыша: четырнадцать. Глаза у рыжего стали мокрыми, но он их не вытирал, и я вдруг поймала себя на нелепой мысли, что неловко стоять рядом и ничего не говорить.

– Он у вас откуда-то из-под Кетового? – спросила я осторожно. – Простите, у вас такое лицо, будто вы его знаете.

– Я просто люблю зверей, доктор, – сказал Евлампий глухо. – Берегите его.

И отвернулся, а я так ничего и не поняла. Ох, подумала я тогда, какие странные тут люди: вчера великан у брода, сегодня рыжий мужчина, который глядит на медведя, как на покойника.

***

Кабинет у Маланьи Фёдоровны был крошечный, с одним окном, шкафом, набитым папками, и огромным фикусом, который она называла «единственный муж, не требующий отчёта». Мы с Буровым вошли вдвоём, и фикус показался мне заметно меньше. Святогор Ярославич сел на стул, который под ним сразу заскрипел, положил на колени ладони, и мне пришло в голову, что он очень старается занимать меньше места.

– Маланья Фёдоровна, я буду говорить прямо, как привык, – начал он. – Я готов оплатить новый вольер, большой, с тёплым полом и навесом, чтобы все ваши подопечные зимовали, как у себя дома. Это три миллиона, наличными или переводом, как вам удобнее. Взамен я хочу, чтобы медвежонка, которого вчера привезла Береслава Игоревна, передали на мою базу, под мою ответственность.

Маланья уронила очки на шнурок, и они стукнули о пуговицу.

– Святогор, милый, ты же умный человек, – проговорила она тихо. – Центр работает по лицензии министерства. Звери государственные, я не имею права отдать тебе даже воробья, не то что медведя. Если я это сделаю, у меня заберут лицензию, а у тебя будет уголовное дело, и никакой вольер нас не спасёт.

– Я понимаю, – сказал он и остановился, подбирая слова. – Понимаю, что прошу невозможного, Маланья Фёдоровна, и всё равно не могу отказаться от этой просьбы. У меня есть причины, которые я сейчас объяснить не в состоянии, но они серьёзнее денег. Поэтому я прошу вас иначе: разрешите мне видеть его. Каждый день, в удобные для вас часы, при вас и при докторе, без права его касаться.

Тут я не выдержала.

– То есть вы предлагаете три миллиона за медведя, а когда не выходит, просите свидания? – Я шагнула к столу, так что фикус дрогнул. – Святогор Ярославич, вам что, свидание назначить? У нас здесь не детский сад и не колония, у нас лечебное учреждение, а ему нужен покой. И ещё мне хотелось бы услышать, откуда вы знаете, что ему нужен именно этот режим.

Он поднял на меня глаза, и я вдруг заметила, что у него дрожит уголок рта, совсем чуть-чуть, как у человека, который удерживает тяжёлую вещь.

– Береслава Игоревна, я готов соблюдать любые ваши правила, – сказал он медленно, – если вы позволите мне видеть его каждый день, потому что для меня это важнее, чем вы можете себе представить. Напишите условия, я подпишу их не читая, и вы убедитесь, что слово у меня крепче бумаги.

Маланья сняла очки и потёрла переносицу.

– Бера, деточка, ну что нам, жалко? Правда ведь, никто не запрещает навещать, мы же и не такие вещи допускали. Пускай приезжает, а ты присматривай. Бумага, печать, всё как положено.

Я хотела сказать, что это самая нелепая сделка в моей жизни, но вспомнила, как смотрел рыжий Евлампий, и прикусила язык.

***

Правила я писала сама, на обороте картонной коробки, широким чёрным маркером, который скрипел и сердито пах спиртом. Святогор Ярославич сидел напротив, терпеливо, как ученик у доски, а Маланья занималась бумагами и делала вид, что не слушает. Я выводила слова крупно, чтобы он видел каждое: «ПРАВИЛА ПОСЕЩЕНИЯ». Ниже по строчке: «Приём с 18:00 до 19:00. Бахилы. В вольер не входить. Руками не трогать. Кормить только по разрешению врача».

– Вы забыли «не рычать», – заметил он вдруг, и я подняла голову. – Это правило часто нарушают.

– Я допишу, – сказала я, хотя шутки не поняла. – И ещё «не приезжать пьяным».

– Я не пью, Береслава Игоревна, но если вы это добавите, я с удовольствием поставлю подпись и под этим пунктом. – Он взял маркер, подписался широкой размашистой фамилией, и картон под его рукой слегка прогнулся. – Ещё что-нибудь нужно, чтобы вы мне поверили?

– Мм, ещё мне нужно, чтобы вы перестали ломать мои дверцы, – буркнула я и повесила картон на гвоздик у калитки. – И чтобы вы объяснили, откуда вы про меня всё знаете.

– Про вас знают все на сорок километров вокруг, – сказал он мягко. – У нас долина маленькая, новая докторша здесь событие. Но я постараюсь отвечать на ваши вопросы, когда смогу.

***

Остаток дня я провела как в тумане. Позвонила Ряполову, оставила голосовое, где рассказала про след и про кету, и добавила, что в десять приезжал Буров с рыжим родственником. Ряполов перезвонил через час и ответил, что за кету спасибо, но в следах он не специалист, пускай пока лежит в холодильнике, а к вечеру он сам заскочит. «Скачет он», – подумала я и пошла проверять у Пряника температуру. Тридцать восемь и пять, нормально для медвежонка, и пульс чуть выше обычного, но я бы тоже волновалась, если бы меня разбудили, положили на стол и обмазали йодом. Малыш сопел, облизывал пустую миску и время от времени поглядывал на дверь, будто кого-то ждал.

Я обедала на ступеньках вагончика, с бутербродом и чаем, и вспоминала утро. Святогор Ярославич не сказал ни одного слова, которое можно было бы назвать угрозой, и всё-таки меня не оставляло ощущение, что передо мной не человек, торгующийся за свою цену, а человек, который просит о милости и боится, что не получит. Это было неприятно, потому что я привыкла сопротивляться тем, кто давит, а не тем, кто просит.

***

В шесть вечера он приехал точно, минута в минуту, и я, стоявшая у калитки с часами в руке, невольно отметила, что при таком графике ему можно продавать календари. Он надел бахилы на огромные сапоги, пригнулся под притолокой и остановился на указанном расстоянии, в трёх шагах от решётки. Я встала рядом, чтобы видеть оба лица, его и Пряника, и понять, что именно пытается мне втереть этот человек.

Пряник проснулся и сразу потянулся к нему. Не к Устине с миской, не ко мне, хотя я держала в кармане новый мятный пряник, а к Святогору. Он вылез из гнезда, подошёл к решётке, прижался боком к прутьям и тоненько, жалобно запищал, как просятся к маме. Святогор Ярославич не шелохнулся. Только руки у него медленно сжались в кулаки, и я заметила, что костяшки побелели.

– Ну, здравствуй, малыш, – проговорил он совсем тихо, не мне, а ему. – Здравствуй, я знаю, что ты устал. Я приеду завтра, потерпи.

Пряник поскрёб лапой решётку, и я увидела, что подушечка, которую вчера я зашивала, затянулась. Не совсем, но края срослись так, что шов казался лишним, и розовая кожа уже подсыхала. Для такой раны прошло слишком мало времени, я бы дала ей дня три до первой корочки, но мало ли что бывает: молодой организм, хороший уход, крепкая линия. Я сказала себе, что не буду об этом думать, и всё равно достала телефон и сфотографировала лапу.

– Это нормально? – спросил Святогор, и в голосе его прозвучало такое беспокойство, что я оторвалась от экрана. – Вы выглядите так, будто увидели что-то неожиданное.

– Крепкое здоровье, – ответила я резче, чем собиралась. – У меня бывали собаки, которые заживали за неделю. Просто врачи любят, когда всё идёт по учебнику, и расстраиваются, если учебник ошибается.

– Я рад за учебник, – сказал он серьёзно, и уголок рта у него всё-таки дрогнул. – И за вас, Береслава Игоревна, потому что вы единственный человек в этой долине, который заметил разницу, и не стал её скрывать.

Я не успела спросить, почему он решил, что я что-то заметила. Он уже кивнул Пряннику, снял бахилы, аккуратно сложил их в корзину и пошёл к машине. У калитки остановился, повернулся ко мне, и в косом вечернем свете глаза его на секунду показались совсем жёлтыми, как у зверя из моих ночных страхов.

– Я приеду завтра в шесть, Береслава Игоревна, и послезавтра тоже, и вам придётся привыкнуть к тому, что я держу слово.

Глава 3. Купель для двоих

Подушечка лапы у Пряника затянулась полностью. Я стояла над столом в вагончике, держала в одной руке лупу, в другой перчатку, и в третий раз вела пальцем по гладкому розовому рубцу, где ещё несколько дней назад торчали нитки. Прошло пять дней. Для медвежонка такая рана закрывается недели за три, и то если повезёт, если не будет воспаления и если он не станет грызть повязку, а этот грыз её с таким азартом, словно получил её по почте в подарок.

– Ну, маленький, ты нарушаешь инструкцию, – сказала я вслух. – Знаешь, что мне за это будет? Меня завтра на смех поднимет вся ветеринарная наука, а послезавтра ещё и Маланья Фёдоровна спросит, почему в журнале такая красота.

Пряник чихнул мне в рукав и потянулся к карману, где уже, конечно, лежал мятный пряник. Это был наш утренний ритуал: он выманивал сладкое, я делала вид, что не замечаю, а потом отдавала половину, потому что мятный запах, по моим наблюдениям, успокаивал его лучше любой валерьянки. Я посадила его на весы, записала вес, двадцать килограммов, прибавка за пять дней три кило, и открыла журнал, в который надо было вносить результаты осмотра.

Ручка зависла над графой «состояние раны». Любой нормальный врач написал бы «заживление первичным натяжением», и все были бы довольны. Но я смотрела на этот розовый рубец, вспоминала, как Святогор Ярославич вчера вечером стоял у решётки и тихо спрашивал, не слишком ли долго мы держали малыша на капельнице, и вдруг с ужасом поняла, что не верю ни единому слову собственной науки. Тогда я вывела в графе одно слово: «аномально». Подчеркнула его дважды и сердито захлопнула журнал.

Я сфотографировала рубец с трёх сторон, приложила линейку и записала в блокнот ещё несколько цифр, на случай, если кто-нибудь потом скажет, что мне померещилось. Хуже всего было то, что я не могла придумать ни одного разумного объяснения. Ни инфекции, ни отёка, ни даже обычной в таких случаях корочки, только гладкий, чуть тёплый розовый шов. Я выросла на учебниках, где заживление считали сутками и неделями, и мысль о том, что учебники могут ошибаться, раздражала меня сильнее, чем если бы ошибалась я сама.

– Вы чего ругаетесь с бумагой? – Устина просунула голову в дверь, и косички у неё качнулись. – У вас такое лицо, будто вы в журнале нашли таракана.

– Я нашла в журнале лапу, которая зажила за пять дней, и мне это не нравится, – буркнула я. – Скажи лучше, чем ты сегодня занята, потому что у меня выходной, а в домике сидеть я не могу, там со скуки можно лечь на печку и умереть.

– Так поехали в «Синие ключи»! – обрадовалась Устина, и я поняла, что вопрос она ждала всё утро. – Там источники, горячая вода, купели прямо на воздухе, и хозяйка, Варна, она вам понравится, она смеётся громко, вы её сразу услышите. Я вас на папином мотоцикле довезу, он у меня надёжный, только дребезжит.

***

Мотоцикл дребезжал так, что я на третьем километре уже подозревала, что у меня выпадут пломбы. Устина гнала по грунтовке с видом лётчика-аса, косички развевались из-под шлема, а я сидела сзади, вцепившись в её куртку обеими руками, и поминала всех святых, о которых слышала. Справа тянулась река, серая, быстрая, в белых бурунах, слева наползал лес, а впереди, над самой дорогой, висело облако, и казалось, что мы едем прямо в него.

– Береслава Игоревна, да вы не бойтесь! – кричала Устина через плечо. – Я здесь каждый камень знаю! Вон тот, кривой, мы всем классом в школе красили!

– Каким классом?! – заорала я в ответ. – Смотри на дорогу, а не на камни!

Дорога вывела нас к деревянному дому с резными наличниками, над которым поднимался пар, будто там варили гигантский суп. Рядом, у самой реки, в каменных чашах мерцала вода. Я слезла с мотоцикла, и ноги у меня дрожали.

– Ну вот, приехали. – Устина сняла шлем и поправила косички. – Варна, ау! Мы с гостьей!

Из дома вылетела девушка в ярко-жёлтом пуховике, с чёрной стрижкой, торчащей, как у воробья после дождя, и со смехом, который я услышала раньше, чем увидела её лицо. Она подбежала, обхватила меня обеими руками, и меня оторвало от земли на пару секунд.

– Ой, это ты, ты, ты! Новая ветеринарша! Я тебя все дни ждала, Устина мне такие вещи про тебя рассказывала, что я решила: или ты врёшь, или ты наш человек! Я Варна. Не называй меня по отчеству, умоляю, я его не выношу, а то сразу вспоминаю, как мне двенадцать лет не разрешали ходить в лес без старших.

– Береслава, – выдавила я, когда меня поставили на землю. – Можно Бера. А ты не слишком быстро обнимаешься?

– А когда ещё? – Она рассмеялась и потащила меня к дому за локоть. – Пойдём, Секлетея Никитична уже пирог достала, а то у неё тесто стоит и ругается. Ты с дороги, небось, голодная, и вообще, мы тебя ещё и в купель сегодня запустим, без этого здесь никого не отпускают.

***

Секлетея Никитична оказалась круглой, пахнущей ванилью женщиной в фартуке с рисунком из кеты, и накормила меня так, что я потом полчаса не могла подняться со скамьи. Были пирог с рыбой, пирог с брусникой, картошка со сметаной, солёные грузди и чай, густой, как смола. Она называла меня «доченькой», подкладывала куски без спроса и приговаривала, что в городе никто не умеет есть, а в долине едят все.

– Секлетея Никитична, я больше не могу, – взмолилась я наконец. – Правда, ещё кусочек, и я не смогу лечить медведей, придётся мне самой ложиться в вольер.

– Вольер у нас для медведей, а для докторов купели, – засмеялась Варна. – Давай, Бера, мы тебя в нашей воде отпарим, а то вид у тебя такой, будто ты три дня подряд бегала за кем-то с мензуркой.

Мы разговорились так легко, как будто знакомы были с детства. Я рассказывала про Петербург, про рысь, оставившую на запястье белую метку, про клинику экзотических животных, где мне однажды пришлось лечить игуану с депрессией. Варна визжала от смеха, хваталась за живот, и в какой-то момент я заметила, что мы давно говорим друг другу «ты», хотя никто этого не обговаривал. Полчаса, не больше, а у меня ощущение, что мы дружим уже сто лет.

– Знаешь, а ты мне нравишься, – сказала Варна, когда Секлетея ушла за добавкой. – У нас здесь с девчонками туго, кто в посёлке, кто в городе, а я сижу тут и скучаю. Мой брат, правда, считает, что скучать мне некогда, потому что я хозяйка. Он вообще про всё так считает.

– Твой брат, – повторила я осторожно. – Это тот самый, у которого серый пикап?

– Ага! – Она отпила чай и посмотрела на меня честными, слегка виноватыми глазами. – Он мне вчера про тебя полвечера рассказывал. Ну, не рассказывал, но я заметила, что он хмурый, как туча, и пол мыл без повода. А когда Гор мыл полы, у него беда.

– Гор? – переспросила я.

– Ой, Святогор. – Она покраснела, как помидор. – Я его так иногда называю, но только дома, ты никому не говори.

***

Устина называла это «купелью для двоих», потому что чаши были рассчитаны на пару человек, хотя на меня одну воды хватило бы вполне.

Купель была каменной чашей с гладкими краями, наполненной такой горячей водой, что в первый момент я вскрикнула и чуть не выскочила обратно. Над рекой поднимался пар, вода шумела по камням, и на другом берегу, в длинных августовских сумерках, стояли чёрные ели. Я опустилась по шею, устроилась на каменном выступе и закрыла глаза. Тело отпускало: плечи,

спина, руки, которые всё утро держали лупу, и даже мысли о шве и «аномально» медленно уходили вверх вместе с паром.

Варна обещала принести мне полотенце и ушла, шлёпая босыми ногами по настилу, а я осталась одна и, видимо, задремала. Меня разбудили шаги. Тяжёлые, неторопливые, мужские. Я открыла глаза, и сквозь пар увидела высокую фигуру в расстёгнутой куртке, с полотенцем на плече. Фигура остановилась у соседней купели и, судя по движению головы, тоже меня заметила.

– О, чёрт, – сказала я и погрузилась в воду по подбородок. – Святогор Ярославич, вы что, подкрадывались?

– Береслава Игоревна, прошу прощения, я не знал, что вы здесь. – Он отступил на шаг, и пар на секунду открыл его лицо: тёмная борода, брови, сведённые в одну линию, и взгляд, по-настоящему смущённый. – Варна сказала только, что пришла гостья, а имени не назвала. Я сейчас уйду.

– Не надо уходить, вы уже здесь, – сказала я, чувствуя, как щёки у меня становятся вдвое горячее воды. – Раз пришли, то объясните мне одну вещь: почему вы так хотите медвежонка? Вы каждый вечер ездите, смотрите на него, молчите, а у меня уже закончились версии. Устина вообще считает, что вы хозяин долины и носите по реке лосят.

– Лосят я не ношу, – проговорил он серьёзно, и мне показалось, что в бороде у него спряталась улыбка. – Я не стану спорить с женщиной в горячей воде, Береслава Игоревна, потому что это нечестно по отношению к моему самообладанию. Вы в более выгодном положении, чем мужчина на берегу, и мы оба это знаем.

– А как вам хочется? – спросила я, прищурившись.

– Хочется объяснить, – сказал он. – Но придётся подождать. Простите меня.

Мне хотелось ответить что-нибудь колкое, но слова застряли, потому что он стоял, опустив руки, огромный и нелепый в этом облаке пара, и вид у него был такой, будто его поймали за чем-то постыдным. Тогда из тумана вынырнула Варна с охапкой полотенец, увидела нас, замерла, прижала ладонь ко рту и тихо-тихо, на цыпочках, как мышка, начала пятиться обратно в дом.

– Варна! – рявкнул он. – Я тебя вижу.

– Я ничего не видела, это пар! – Она всё-таки выскочила, швырнула мне полотенце, брату тоже, и захохотала так, что с ближайшей ели слетела птица. – Гор, иди ужинать, а то Секлетея обидится. Бера никуда не денется, она у нас до вечера.

Он ушёл. Я долго смотрела ему вслед, а потом сползла в воду с головой и вынырнула, шумно отфыркиваясь.

***

Варна присела на край купели и накинула мне на плечи полотенце. Смеяться она уже перестала, и лицо у неё стало серьёзным, взрослым, и я вдруг увидела, что ей двадцать четыре, а не восемнадцать. Она долго молчала, трогала ногой воду, и я не торопила.

– Ты не думай, он не злой, – сказала она наконец, слегка запинаясь. – Ой, Бера, он не злой, он просто думает, что весь мир его база, и рыба, и мы с тобой тоже. Когда умерли родители, мне было девять, а ему двадцать три, и он взял на себя всё. Вообще всё. Привык, понимаешь? Теперь иначе не умеет.

– Он у вас всегда такой? – спросила я, и сама удивилась, как мягко это прозвучало.

– Всегда. Но сейчас хуже. – Варна подтянула колени к подбородку, и голос у неё стал тише. – За год он потерял уже троих. Медведей, Бера. Здесь у нас медведи, они к базам ходят, привыкают, мы их знаем в лицо. Третью застрелили на прошлой неделе, нашу, она ходила к базе. Рыбу брала у пирса, и никто не трогал. А теперь её нет, и Гор почти не спит.

Я слушала, смотрела на её руки, на мокрые чёрные пряди, прилипшие ко лбу, и в груди у меня что-то медленно поворачивалось. Я вспомнила его лицо у решётки, когда он говорил

«потерпи», и руки, сжатые в кулаки так, что побелели костяшки. Это не лицо браконьера, подумала я. Это лицо человека, у которого что-то отняли, и он до сих пор не может договорить, что именно.

– Мне жаль, Варна, – сказала я. – Правда. И за него тоже.

– Ему это сказать нельзя, – улыбнулась она печально. – Он решит, что ему жалеют. Лучше просто сделай что-нибудь хорошее для Пряника, он поймёт.

***

Обратно мы ехали уже в сумерках, и Устина на этот раз вела мотоцикл неожиданно осторожно, видимо, почувствовав, что мне не до гонок. Я сидела, прижавшись щекой к её куртке, и пахло от меня ванилью, дымом и горячим камнем, как от человека, который весь день был чем-то счастлив. Но счастья не было. Было странное, тянущее чувство вины, потому что я почти неделю строила из Бурова злодея, а злодей оказался человеком, у которого умерла знакомая медведица, и вымыл по этому поводу полы.

У моста я попросила Устину остановиться и позвонила Ряполову. Трубку он взял не сразу, но голос был бодрый, будто он только что вернулся с рыбалки.

– Паисий Захарович, это Береслава Ласкина из центра. – Я переступила с ноги на ногу на сыром гравии. – Я хотела бы попроситься в обход. Вы же ездите по излучинам, смотрите следы, берёте образцы. Я ветеринар, могу осмотреть тушу, определить, как именно её убили, когда и чем. Возьмёте меня?

– В субботу собираюсь выше по реке, в шесть утра выезжаю, – сказал он после короткой паузы. – Вы уверены? Зрелище будет не из приятных.

– Я лечила рысей и вскрывала собак, Паисий Захарович. Меня не напугает туша. Меня больше пугает то, что я могу там найти.

– Тогда будьте у ворот в шесть, – ответил он. – Термос с собой.

В субботу я впервые поехала искать убийц, и, честно говоря, больше всего боялась найти среди них Бурова.

Глава 4. Стреляли сверху

В шесть утра над рекой стояла такая морось, что воздух казался густым, как кисель, а зелёный УАЗ у ворот центра был мокрым снаружи и пах табаком изнутри. Ряполов сидел за рулём, в брезентовой куртке, с усами, в которых застряли капли, и протянул мне через открытое окно термос и планшет в целлофане, будто вручал пропуск на секретный объект. Я забралась на переднее сиденье, поставила термос между колен и спросила, куда мы едем, потому что вчера по телефону он сказал только «выше по реке».

– К излучине, это километров восемнадцать выше Буровской заимки, – сказал Паисий Захарович и тронулся с места так, что колёса вывернули комок глины. – Вчера вечером рыбаки видели над ней воронов. Много, десятка три, кружат и не садятся. А вороны, Береслава Игоревна, зря не кружат.

– Значит, ждём туши. – Я отвинтила крышку термоса, и в нос ударил запах крепкого кофе с корицей. – А вы часто так выезжаете? Я имею в виду, на подобные сигналы.

– Каждый второй месяц, – ответил он, не отрывая глаз от дороги. – Чаще всего это лось или бродячая собака, но бывает и хуже. В прошлом году в соседнем районе нашли двух медведей без лап и желчи, и никто не мог понять, кто, когда и чем. Мы такое видели в девяностые, потом всё пошло на спад, а теперь опять.

Я пила кофе, глядела на серую воду, которая, шипя, шла рядом с дорогой, и думала, что до ближайшего человека здесь километров двадцать. На соседнем сиденье лежала папка с протоколами, из неё торчал уголок фотографии, где кто-то держал в руке огромный чёрный зуб.

***

Минут через двадцать дорога пошла вдоль рыболовной базы, и я увидела за мокрой изгородью длинный тёмный дом, лодки, перевёрнутые на берегу, и пустой причал, на котором висела табличка «Верхняя». Ряполов притормозил, кивнул на неё и сказал, что здесь начинается земля Буровых и что до заимки отсюда ещё несколько километров. Я прилипла лбом к стеклу. Ни охраны, ни собак, только бочка для дождевой воды у крыльца и сушилка для сетей, на которой сидела ворона и неодобрительно глядела на нас. Не логово, подумала я. Дом как дом, рыбацкий, с кривой трубой, и никакого вертолёта поблизости.

Мы ехали уже час, когда Ряполов вдруг ткнул пальцем в стекло.

– Слышите? – спросил он. – Вертолёт.

Я прислушалась. Над рекой, где-то за облаками, действительно тарахтело, и вскоре из тумана выплыла белая точка, потом силуэт с красной полосой, потом хвост. Вертолёт прошёл над нами низко, так, что задрожали стёкла, и скрылся за сопкой.

– Это МЧС, они по субботам облетают маршруты, смотрят, не заблудился ли кто из туристов, – пояснил Ряполов, не повышая голоса. – У нас здесь, к слову, три вертолёта на весь район. Один МЧС, второй санавиация, они на аэродроме под городом базируются, а третий частный. «Шершнев-Тур», это у них турфирма, возят людей на вулканы. Просто к сведению, чтобы вы понимали расклад.

– А зачем мне расклад? – спросила я.

– Затем, что вы сегодня будете смотреть тушу, и я хочу, чтобы вы потом не задавали глупых вопросов, – проворчал он беззлобно. – Давайте так: вы смотрите, что видите, а я записываю. Версии строить будем вечером.

Я кивнула, налила ещё кофе и достала блокнот. Первый раз в жизни у меня появилось желание записывать не только цифры, но и погоду, и звуки, и то, как Ряполов вертит руль: плавно, как старый таксист, которому давно всё надоело, но бросать нельзя.

***

Излучину мы увидели издалека по воронам. Они сидели на ветвях двух мёртвых лиственниц тёмной тучей и молчали, а над самой водой, в пелене пара, лежало что-то огромное и бурое. УАЗ остановился у кромки леса, Ряполов взял сумку с инструментами и пошёл вперёд, не оглядываясь. Я пошла следом, держась на шаг позади, как положено новичку.

Туша лежала на боку, на пологом берегу, в мху и гальке. Медведица, взрослая, лет семи или восьми, с вытянутой шеей и разбросанными лапами. Бок вскрыт одним ровным разрезом, и там, где должна была быть печень с жёлчным пузырём, зияла пустота. Работали ножом тонким и острым, вырезали быстро, не повредив соседних органов. Запах стоял тяжёлый, сладкий, и мне пришлось на секунду отвернуться, чтобы переждать.

А у туши уже стояли двое. Я узнала их сразу: Святогор Ярославич и Евлампий. Буров был в тёмной куртке, с мокрыми волосами, прилипшими ко лбу, и глядел на мёртвую медведицу так, как смотрят на гроб. Евлампий опустился рядом на корточки и положил ладонь на шерсть, не отрывая руки, словно гладил живого зверя. Мне вдруг показалось, что я подглядываю за чужими похоронами.

– Святогор Ярославич, вы здесь зачем? – спросил Ряполов хмуро, и мне стало ясно, что вопрос он задаёт не в первый раз за жизнь. – Это место осмотра. Посторонним тут быть не положено.

– Евлампий вчера увидел воронов, когда проверял сети выше по реке, – сказал Буров ровно. – Мы приехали посмотреть, прежде чем звонить вам, но звонить не пришлось, потому что вы оказались проворнее. Ничего не трогали, Паисий Захарович, кроме самого необходимого. Я знаю правила.

– «Необходимого», – повторил Ряполов с горечью. – Сколько уже раз вы это слышали, и сколько раз из этого «необходимого» потом получалась путаница в моих протоколах.

Святогор не ответил. Он только перевёл взгляд на меня, и я едва не споткнулась о камень, потому что лицо у него было серым, измученным. Я кивнула ему, коротко, как коллеге, и пошла к туше.

***

Работать с мёртвым зверем я умела. Это совсем не то, что стоять над живым, где каждый шорох может оказаться последним, а над мёртвым можно думать спокойно, трогать, мерить и записывать. Я натянула перчатки, присела у головы и осмотрела морду: глаза мутные, зубы целые, шерсть мокрая, но без признаков борьбы. Потом перешла к лопатке. Там, чуть ниже холки, нашлось маленькое круглое отверстие, окружённое бурыми потёками, и я подозвала Ряполова.

– Паисий Захарович, посмотрите сюда. – Я взяла из сумки тонкий металлический зонд, осторожно ввела его в рану и повела вниз. – Вход чистый, диаметр около восьми миллиметров. А теперь смотрите, как идёт канал: сверху вниз, почти отвесно, градусов под шестьдесят. Пуля вошла между лопатками и вышла под рёбрами с другой стороны.

– Это значит, что стреляли с возвышения, – медленно сказал он. – С дерева или со скалы.

– Или сверху. – Я вытащила зонд и показала ему красный кончик. – Дерево здесь есть только вон то, мёртвое, но оно метров на тридцать в стороне. Скалы нет. А канал слишком крутой, стрелок находился над зверем, и заметно выше, чем может быть на любой лиственнице.

Я встала, отряхнула колени и оглядела берег. Мох был сырой, вперемешку с галькой, в двух местах примятый так, будто здесь что-то стояло, но стояло недолго. Я прошла вдоль линии, сделала три шага, пригляделась и позвала Ряполова снова.

– Видите? Две параллельные полосы, длиной почти по два метра, и расстояние между ними около метра. Это не звериный след и не следы сапог. Это полозья.

Он присел, провёл по мху пальцем и тихо выругался.

– Шасси, – сказал Ряполов. – Вертолётные полозья. Сели здесь, заглушили или не стали глушить, вырезали желчь, ушли. Людей почти не видно, у них была минута на всё. Ох ты ж, чёрт.

– Паисий Захарович, – сказала я, – медведи вертолётов не водят, а Буровы, при всём моём к ним отношении, тоже. Мы можем спорить о том, кому выгодно, но стреляли сверху, и сверху стрелять можно только из воздуха. У Буровых вертолёта нет, я у Устины спрашивала. Есть только лодки и пикап.

– Я и сам знаю, что у них нет, – проворчал он, но голос у него был уже другой. – Просто привык подозревать тех, кто рядом, потому что они всегда рядом.

***

Прежде чем уйти, я сняла перчатки, присела к реке и долго мыла руки в ледяной воде, потому что от запаха мёртвого зверя у меня стучало в висках. Справа послышались шаги, мягкие, неторопливые, и Святогор Ярославич опустился на камень в нескольких шагах от меня, не говоря ни слова. Он протянул мне свой термос, и я, не споря, сделала глоток: чай был крепкий, с брусничным листом и чем-то горьковатым, вроде зверобоя. Мы молчали минут пять. Ветра не было, над водой тянулся пар, и в нём тонула вся излучина, с вороньими деревьями и серой тушей, и мне вдруг показалось, что здесь нет ни браконьеров, ни следствия, а есть только двое усталых людей на берегу.

– Вы часто бываете на таких осмотрах? – спросила я наконец, возвращая термос. – Просто вы стоите с таким видом, будто знаете, что где лежит.

– Слишком часто, Береслава Игоревна, – ответил он и потёр ладонью лоб. – Я не привык, чтобы в моей долине убивали зверей, и не привык к тому, что приходится ждать, пока кто-то другой назовёт убийцу. Это неудобное положение для человека, который всё привык решать сам.

Дальше шла работа, которую я не любила и которую умела: фотографии с линейкой, замеры, образцы шерсти и ткани, мазки с края раны, перчатки и пакеты, пакеты и перчатки. Ряполов записывал, диктовал, ругался на мокрый планшет, и целлофан на нём хрустел, как фольга. Я заметила, что Святогор Ярославич держится в стороне и не мешает, а Евлампий вообще ушёл к реке и сидит на корточках над водой, глядя в одну точку.

Когда мы закончили, Ряполов отозвал меня в сторону и сказал, что всё запишет в протокол, что я записана в качестве консультанта и что он будет просить краевое управление найти, откуда взялась эта «летающая бригада». Он говорил долго, усталым голосом, и в конце вдруг протянул мне руку, широкую и холодную, как мокрая доска.

– Спасибо, Береслава Игоревна. Я двадцать лет работаю, и впервые мне такую картину рисуют за полчаса. Правда.

– Я просто посмотрела, – смутилась я. – На самом деле мне хочется, чтобы вы нашли тех, кто это сделал. Мы с ними потом поговорим.

Святогор Ярославич подошёл, когда Ряполов ушёл укладывать пакеты в багажник. Он остановился в двух шагах, достал из кармана платок, протянул мне. Я поняла, что у меня по щеке течёт то ли дождь, то ли слёзы, и взяла.

– Береслава Игоревна, благодарю вас, – сказал он негромко. – За то, что вы остались, и за то, что сказали вслух то, что Паисий Захарович, при всём моём уважении, не решился бы произнести до вечера. Вы сегодня сделали для долины больше, чем иной человек успевает за год.

Он замолчал, но продолжал смотреть на меня, долго, неподвижно, и я почувствовала, как под этим взглядом у меня горят уши. Я не знала, куда деть платок, поэтому свернула его в комок и сунула в карман.

***

Обратно мы поехали вдвоём, в его пикапе, потому что Ряполов задержался на излучине: ему нужно было дождаться инспектора из района и ещё раз пройти по берегу. Евлампий оставался с Ряполовым, у него здесь была своя машина, и Святогор Ярославич сказал, что так будет быстрее, и предложил довезти меня до центра, а моя гордость, пошатавшись для приличия, согласилась. В кабине пахло хвоей, мокрой шерстью и немножко дымом. Между сиденьями стоял термос, а в бардачке, как выяснилось, лежало около двух десятков леденцов, которые он, по его словам, возил «для медвежат, на случай переговоров».

Дорога шла вдоль реки. Дождь чуть стих, и над водой клубился пар, такой плотный, что кусты на берегу казались призраками. Я смотрела в окно, и какое-то время мы молчали. Потом он заговорил, не поворачивая головы, и его фразы были длинные, как дорога.

– Береслава Игоревна, я хочу, чтобы вы знали, как я отношусь к тому, что вы сегодня сделали. Я долго думал, что вы человек случайный, приехали на год, посидите, уедете, и всё останется как есть. А вы за полторы недели вскрыли то, что я пытался понять полгода. Я не умею благодарить, потому что чаще приходится приказывать, но вы заслуживаете того, чтобы я попробовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.